

ГЛАВА 5. МАЙ IV

1

25 мая (пн) 1 урок Английский язык

2 урок Обществоведение

3 урок Математика

26 мая (вт) 1 урок Естествознание

2 урок Японский язык

Май подходил к концу – а значит, надвигались промежуточные экзамены триместра. Сдавать их нам предстояло в течение двух дней, понедельника и вторника, и только по пяти основным предметам.

Из-за всей этой суеты – переезда, госпитализации, смены школы – я отчасти отключился от рутинной стороны жизни. Однако действительность напомнила о себе.

Прошло две недели с тех пор, как я начал здесь учиться, и моя нервозность поутихла. Но я все еще не полностью влился в новый коллектив, членом которого теперь являлся. С несколькими из одноклассников я мог свободно общаться и дурачиться – в общем, начал входить в ритм школьной жизни, абсолютно не похожий на тот, что был в прежней школе. Если так пойдет дальше, я доучусь здесь до марта без особых проблем. Однако...

Посреди всего этого была одна вещь, не дающая мне покоя.

Таинственность, окутывающая Мей Мисаки, сопротивлялась всем попыткам разобраться в ней. Это была постоянно звучащая диссонансная нота в мирной, спокойной мелодии повседневной школьной жизни.

– Сразу после экзаменов меня целую неделю будут гонять по собеседованиям, – простонал Тэсигавара, запустив руки в свою крашеную шевелюру. – И мне придется трындеть с учителями и при этом все время делать умное лицо. Блин, тоскааа...

– Все у тебя будет нормально, – легкомысленно ответил Кадзами. – Сейчас в старшую школу поступает девяносто пять процентов народу. Так что не бойся, наверняка и для тебя найдется подходящая школа.

– Это ты таким способом хочешь меня приободрить?

– Совершенно верно.

– Ты намекаешь, что я идиот.

– Вовсе нет.

– Пфф. Ну, в любом случае, наша старая дружба продержится только до выпуска. А дальше – всего хорошего, типа.

Тэсигавара помахал рукой «всему из себя правильному» парню, которого знал с раннего детства, – будто прощаясь с ним навсегда. Потом повернулся ко мне.

- А ты в какую старшую школу будешь поступать, Сакаки? Вернешься обратно в Токио?

- Ага. Отец будущей весной вернется из Индии, ну и...

- В какую-нибудь частную школу пойдешь? - спросил Кадзами.

- Наверно.

- Хорошо некоторым, у которых батя - профессор в универе. Хотел бы я пойти в старшую в Токио.

Тэсигавара язвил в своей обычной манере, но, как ни странно, сарказма в его голосе на этот раз не было, так что и неприятного чувства у меня тоже не возникло.

- У твоего бати небось полно связей, и тебе в любой универ путь открыт, да, Сакаки?

- Это не так работает, - тут же ответил я; однако его укол был не совсем мимо цели. Ведь...

Директор моей прежней средней школы К** учился в том же университете и входил в тот же исследовательский отдел, что и отец; они были не только семпаем-кохаем[1], но и близкими друзьями. Поэтому, когда мне пришлось переводиться, они специально договорились насчет моего возвращения в Токио на будущий год. Несмотря на то, что я целый год проучусь в обычной школе, сдавать вступительный экзамен в старшую школу К** я буду как будто бы из средней школы К**. По крайней мере мне так сказали.

Я абсолютно не собирался кому-либо это рассказывать. Потому что если другие узнают, им это совершенно не покажется забавным, к гадалке не ходи...

20 мая, среда, после школы.

По окончании шестого урока мы вместе вышли из класса и направились по коридору. Снаружи шел дождь - он весь день шел.

- А кстати. Как у вас проходят школьные выезды? - спросил я.

Тэсигавара нахмурил брови.

- Ты серьезно? Мы в том году ездили. В Токио. Я тогда впервые в жизни поднялся на Токийскую башню, прикинь. И на Одайбу ездили. Сакаки, а ты когда-нибудь поднимался на Токийскую башню?

Я не поднимался, но...

- В том году? А разве школьные выезды не в третьем классе проводят?

- В Северном Ёми - во втором классе, осенью. Но я слышал, раньше их проводили в третьем классе, в мае.

- Раньше?

- Мм... угу. Скажи, Кадзами.

- Да. Я тоже слышал.

Почему-то мне показалось, что они как-то неохотно говорят на эту тему. Сделав вид, что ничего не заметил, я спросил:

- А почему их перенесли на второй год?

- Я почему знаю? Это когда было-то, - резко ответил Тэсигавара. - Наверно, были причины.

- Возможно, они проявили тактичность и стали проводить выезд до того, как наш брат начинает волноваться о вступительных экзаменах, - заметил Кадзами. Он остановился, снял очки и принялся протирать линзы.

- Хм. Не знал, что в муниципальных школах так.

Когда Кадзами остановился, я сделал то же самое, потом подошел к окну. Мы были на третьем этаже. Дождь слабо моросил; изнутри его не было видно, если не приглядываться, и больше половины учеников во дворе шло без зонтов.

«Я не против дождя».

Мне вдруг вспомнились слова Мей - в какой день это было?..

«Больше всего люблю холодный дождь зимой. Когда он переходит в снег».

Ни вчера, ни сегодня я ее не видел. В понедельник она была, но поговорить с ней мне не удалось. Может, из-за того, что я все время прокручивал в голове, как мы наткнулись друг на друга на кукольной выставке в Мисаки. Думал о каждом слове, которое она тогда произнесла. О каждом маленьком движении. О каждом действии...

Занозой во мне сидели ее слова, что «история Мисаки двадцатилетней давности» - это «только пролог». Я, конечно, не сомневался, что это одна из «Семи тайн», но тем не менее. «Есть продолжение». Что бы это могло быть за продолжение, какая страшилка с привидениями?

Кстати говоря, на позапрошлой неделе после урока рисования Тэсигавара вроде бы говорил что-то о «проклятии класса 3-3»?

- Эй, - я старался, чтобы мой голос звучал небрежно. - Ребята, а вы знаете историю о классе три-три, которая была двадцать шесть лет назад?

В следующий миг и Кадзами, и Тэсигавара застыли столбом. Их лица мгновенно побледнели.

- Т-ты что, Сакаки... Ты вроде говорил, что не веришь в такие штуки?

- Где ты... кто тебе рассказал?

После секундного размышления я решил не упоминать Мей.

- Просто случайно услышал.

Кадзами с серьезным лицом продолжил расспрашивать:

- Сколько ты услышал?

- Э? Только пролог, думаю.

Они среагировали куда острее, чем я ожидал, и потому я начал колебаться.

- Вроде двадцать шесть лет назад в классе три-три был ученик, которого все любили, а потом он внезапно умер... как-то так.

- Значит, только про первый год, - пробормотал Кадзами и кинул взгляд на Тэсигавару. Тот в явном замешательстве поджал губы.

- Что тут у вас происходит? Вы трое такие серьезные, - неожиданно раздался голос. Мимо нас проходила Миками-сэнсэй. Рядом шла Юкари Сакураги - наверно, учительница ей какие-то указания давала или еще что-нибудь.

- А. Нуу, это, в общем...

Разговаривать лицом к лицу с Миками-сэнсэй я по-прежнему не привык. Это был полный кошмар. Пока я мекал в поисках ответа, Кадзами шагнул вперед, будто приказывая мне замолчать. Потом театрально понизил голос и сказал Миками-сэнсэй:

- Сакакибара-кун говорит, что он слышал... про первый год.

- Понятно, - Миками-сэнсэй медленно кивнула, потом склонила голову набок. Ее реакция тоже показалась мне какой-то странной. Что до Сакураги, то она, как и Кадзами с Тэсигаварой, не смогла скрыть потрясения.

- Это проблема... - произнесла Миками-сэнсэй, даже не взглянув в мою сторону. Лицо ее стало таким задумчивым, каким я его никогда раньше не видел. Потом она продолжила настолько тихо и невнятно, что мне удалось разобрать лишь отдельные слова:

- ...Не уверена. Но... хоть что-то, что сможете... теперь действительно... хорошо? Будем внимательно...

2

- Ба, ты помнишь, что было двадцать шесть лет назад? - первым делом спросил я, вернувшись в этот день домой.

Бабушка и дедушка сидели в плетеных креслах на крыльце и смотрели в сад, мокрый от долгого дождя. От внезапного вопроса внука бабушка заморгала, даже не успев договорить «С возвращением».

- Э? Это давно. Двадцать шесть лет назад, говоришь?

- Ага. Маме тогда было примерно столько же лет, как мне сейчас. Думаю, она училась в Северном Ёми в третьем классе.

- Когда Рицко была в третьем классе средней школы... - бабушка положила руку на щеку и облокотилась о ручку кресла. - А, да. Ее классный руководитель был таким красивым молодым человеком... Он преподавал обществоведение и вел драмкружок или еще что-то в этом роде. И он так любил свою работу. Мне кажется, ученики его очень уважали.

Она медленно нанизывала слово на слово, прищуриив глаза, будто глядя куда-то вдаль. Дедушка рядом с ней механически кивал.

- А в каком из третьих классов мама училась?

- В каком? Хмм.

Бабушка искоса взглянула на дедушку, голова которого мерно поднималась-опускалась, и тихо вздохнула.

- В третьем классе, дай-ка вспомню, она была то ли во второй параллели, то ли в третьей... Да, думаю, в третьей.

Не может быть... у меня просто язык отнялся; какое-то странное чувство возникло. Это не было согласие. И не удивление, и вовсе не страх. Я как будто обнаружил громадную черную яму - дна не видать - ровно там, куда собирался шагнуть.

- Класс три-три? Ты точно уверена?

- Ну вот, теперь уже не совсем уверена.

Дедушка продолжал кивать в такт бабушкиным словам.

- А у тебя остался ее школьный фотоальбом?

- Не думаю, что он тут, у нас. Если он где-то и есть, то, скорее всего, в доме твоего папы. Когда она вышла замуж, то кажется, взяла с собой все свои вещи.

- А.

Интересно, остались ли они у отца дома? Во всяком случае, мне он никогда ничего такого не показывал.

- Скажи, ба, - продолжил я расспросы. - Двадцать шесть лет назад, когда мама училась в три-три, у нее в классе умер кто-нибудь в аварии или еще из-за чего-нибудь?

- Авария? С кем-то из ее класса?..

Бабушка вновь посмотрела на дедушку, потом ее взгляд ушел куда-то в сад. Наконец она медленно вздохнула.

- После того как ты спросил, я что-то такое припоминаю, - задумчиво произнесла она, будто обращаясь к самой себе. - Но что это была за авария, не помню. Хороший был ребенок. Когда это случилось, это было просто ужасно...

- А как звали того ученика? - спросил я агрессивнее, чем хотелось бы. - Мисаки?

- ...Я не знаю.

Бабушка опять обеспокоенно уставилась в сторону сада.

- Мисаки. Мисаки, - скрипуче пробормотал дедушка.

- Доброе утро. Доброе утро, - внезапно заорала своим пронзительным голосом майна Рей-тян, до сих пор сидевшая тихо; я вздрогнул. - Доброе утро, Рей-тян. Доброе утро.

- Думаю, Рейко должна помнить гораздо лучше, чем я, - сказала бабушка.

- Но ведь Рейко-сан тогда было всего три-четыре года?

Видимо, столько, исходя из разницы в возрасте между сестрами. Лицо бабушки вдруг обрело уверенное выражение, и она энергично кивнула.

- Да, да. Рицко сдавала вступительные экзамены в старшую школу. А я приглядывала за Рейко. Трудный был год! Дед все работал-работал, нам совсем не помогал, - бабушка пристально уставилась на дедушку. - Правильно?

Губы старика шевелились, как горловина мешочка, перетянутая шнурком; он бормотал что-то невнятное.

- Почему? Почему? - проорала Рей-тян. - Почему? Рей-тян, почему?

3

Рейко-сан вернулась домой поздно. Поужинала она где-то в городе, и, судя по всему, этот ужин включал в себя изрядное количество спиртного. Я почувствовал запах, и глаза ее были слегка налитые.

- Уверен, что экзамены на следующей неделе на отлично сдашь?

Рухнув на диван в гостиной, она, похоже, лишь после этого заметила, что я тоже в комнате, и бросила этот неожиданный вопрос. Речь ее звучала не очень разборчиво. Рейко-сан была еще далека от состояния «пьяной», но даже такой я ее видел впервые.

- Да нет, - хоть вопрос меня и озадачил, все же я ответил честно. - Но я готовлюсь, сколько нужно.

- А, ну тогда прости.

Она негромко фыркнула, потом осушила стакан холодной воды, который подала бабушка. Я смотрел на нее, и вдруг -

Я представил себе, как моя умершая мама когда-то давно тоже так вот пила спиртное и пьянела. От этой мысли мое сердце содрогнулось, грудь сжало.

- Ааа, как я сегодня умаялась.

Рейко-сан, сидя на диване, изо всех сил потянулась. Потом повернулась ко мне и посмотрела почти с завистью.

- Тяжело быть взрослой. Столько людей, все от тебя чего-то хотят, вяжут по рукам и ногам. И...

- Как ты себя чувствуешь, Рейко? - обеспокоенно спросила бабушка, подойдя к ней. - Нечасто ты так-то...

- На сегодня я все. В постельку. Душ приму завтра утром. Спокойной ночи.

Рейко-сан неуверенно поднялась на ноги, но тут я, набравшись смелости, наконец спросил сам. Я просто должен был узнать, что произошло двадцать шесть лет назад, и как можно скорее.

- ...Ты знаешь ту историю, Рейко-сан? О том, что было двадцать шесть лет назад?

Только что вставшая с дивана Рейко-сан тяжело плюхнулась обратно.

- Ага. Ее все время пересказывают.
- Это одна из «Семи тайн»?
- Неет, это из другой оперы.
- Рейко-сан, а ты тоже узнала ее, когда училась в средней школе?
- Ага. Правда, не от кого-то конкретного, так, просто слухи.
- Когда мама училась в средней школе, она тоже была в классе три-три. Ты это знала?
- ...Позже, - Рейко-сан отодвинула волосы с лица и, медленно откинувшись на спинку дивана, устремила взгляд в потолок. - Сестрица Рицко мне об этом рассказала... позже.
- А какое у этой истории продолжение?

Набрав ход, я продолжал с надеждой закидывать Рейко-сан вопросами. Но тут вдруг ее лицо застыло, и она замолчала. После короткой паузы -

- Никакого продолжения я не знаю, Коити-кун.

Ее голос звучал на несколько тонов ниже.

- Наверняка знаешь, Рейко-сан.

- ...

- Ну Рейко-са...

- Люди вокруг нее много чего напридумывали.

Я услышал вздох и, обернувшись, увидел, что бабушка, сев за стол, закрыла лицо руками. Судя по ее позе, она не желала ни видеть, ни слышать нашего разговора.

- Возможно, тебе лучше пока вовсе не думать об этом, - сказала Рейко-сан. Потом встала, потянулась и посмотрела мне прямо в глаза. К ней снова вернулся хорошо знакомый мне беззаботный тон. - Некоторые вещи лучше узнавать в подходящее время. А если его упустил, то, может, лучше и вовсе не знать. По крайней мере, пока оно снова не настанет.

4

На следующий день, в четверг, я не видел Мей Мисаки вообще.

Экзамены ведь совсем на носу... с ней все в порядке?

Я понятия не имел, хорошо ли Мей училась, какие у нее оценки. Я вообще никогда не видел, чтобы ее вызвали прочесть что-нибудь из учебника или решить задачку. Но, что еще важнее, если она и дальше будет столько прогуливать, ей может не хватить посещаемости для того, чтобы нормально закончить класс.

Правда, у меня было предчувствие, что, если я ей это скажу, в ответ получу всего лишь: «Тебе-то что?»

Я подумал было связаться с ней. Но тут же понял, что до сих пор не получил списка класса или еще чего-нибудь такого и потому никак не мог узнать ни ее адреса, ни телефона. Впрочем, должен признать – если бы я действительно очень сильно хотел их найти, то смог бы достаточно легко...

Скорей всего, она жила где-то недалеко от того кукольного магазина – в смысле, выставки. И, по-видимому, время от времени заходила туда посмотреть на кукол. Да. В этом я был уверен.

Интересно, какие у нее родители?

Есть ли у нее близкий друг или подруга?

Что с ней произошло, что ее глаз – ну, который под повязкой – стал вот таким? Может, у нее просто слабое здоровье. Вполне разумное предположение. Может, она именно поэтому не ходит на физру и вообще много пропускает... Аа, но еще, может...

...И так далее, и тому подобное.

У меня постоянно крутились в голове эти мысли; однако, похоже, из всего класса только у меня одного – судя по тому, что я видел и слышал. Правда, от моих размышлений вряд ли что-то изменится...

Посреди этого всего –

После большой перемены, когда мы направлялись к нулевому корпусу на пятый урок (это было рисование, а кабинет располагался именно в старом здании), я случайно обернулся, глянул на крышу корпуса напротив – и увидел ее.

Это было почти в точности как две недели назад, в первый мой день в этой школе, когда я сидел на лавке возле спортплощадки во время урока физкультуры. Одинокий силуэт, стоящий у края крыши, вплотную к железному ограждению.

Я шел вместе с Мотидзуки, фанатом Мунка, но тут бросил ему «погоди, я щас», развернулся и побежал обратно в здание, из которого мы вышли, – корпус С. Взлетел по лестнице и без колебаний толкнул стальную дверь кремового цвета, ведущую на крышу.

Но тут –

Мой мобильник, который я именно в этот день сунул во внутренний карман пиджака, глухо завибрировал. Какого?.. Кто это мог быть? Именно сейчас? Почему?..

Выскочив на крышу, я просканировал глазами все вокруг в поисках Мей и одновременно достал телефон. Звонил Тэсигавара.

– Ты в порядке?

– А что? Ты чего звонишь?

– Звоню, потому как у тебя могут быть проблемы. Акадзава вся прям кипит. У нее того гляди истерика начнется.

– Она тут при чем? Акадзава-сан?

– Слушай сюда, Сакаки...

Ххххшшш... Голос Тэсигавары потонул в шипении и свисте. Вряд ли одно было как-то связано с другим, но на помехи наложился еще и порыв ветра.

- ...Понял? Прости, что приходится звонить...

Из-за шума я с трудом различал слова Тэсигавары.

- Понял, Сакаки? Кончай обращать внимание на то, чего нет. Это паршиво.

...Чего?

Что он сейчас сказал?

- И еще... ты слушаешь? Эй, Сакаки!

- Ага.

- Эта история, о которой ты вчера говорил... ну, про двадцать шесть лет назад... Она тебя правда беспокоит?

- Ну...

- Я поговорил кое с кем. Когда доберемся до июня, я тебе расскажу. Так что до конца месяца не мог бы ты -

Хххшшш, гзгзгзгз... помехи стали в десять раз сильнее, а потом связь прервалась.

Он это вообще к чему? Я с трудом понимал, что происходит, и был прилично зол, поэтому выключил мобильник и сунул его обратно в карман - теперь Тэсигавара не сможет дозвониться, даже если попытается. Потом я обшарил взглядом каждый уголок крыши, над которой по-прежнему бушевал ветер.

Но там никого не было.

5

На следующий день Мей появилась в классе как ни в чем не бывало.

Однако я не смог обменяться с ней даже словечком. Вовсе не потому, что меня встревожил вчерашний звонок Тэсигавары. Да, вряд ли из-за этого. Просто в ее молчании чувствовалось что-то... Она будто заранее отвергала все попытки идти на контакт.

С Тэсигаварой я после того раза тоже не говорил. Я столько всего хотел из него вытянуть, но - возможно, именно для того, чтобы избежать расспросов, - он ко мне не подходил. Да блин же, что происходит?

Завтра была четвертая суббота месяца, значит, опять выходной. Мне полагалось снова отправиться в поликлинику на осмотр, но у меня никаких особых изменений в плане здоровья не было, так что я подумывал перенести его на неделю. Вряд ли бабушка будет меня сильно клевать, если я так сделаю. Еще ведь и экзамены будут в начале той недели. И лучше всего в последние дни как следует подналечь на учебу. Я малость подозревал, что экзамены эти будут для меня проще простого, но, говоря по правде, я всего-навсего педантичный... нет, просто офигенно старательный ученик средней школы.

...Ну, а раз так.

Победив желание еще разок заглянуть на выставку кукол в Мисаки, я провел выходные дома, даже не высовываясь на улицу.

За это время я получил два звонка на мобильный.

Первый был из далекой страны индуистов.

Как и в прошлый раз, мой отец Ёске то и дело заявлял, что, дескать, там у него безумно жарко, но по сути он звонил проверить: «Как там у тебя дела?» Когда я ему сказал, что середина триместра, а значит, экзамены на носу, он ответил: «Не очень напрягайся по этому поводу». С учетом того, что «не напрягаться по этому поводу» я был принципиально неспособен, этот совет заставил меня поразмыслить о том, понимает ли вообще этот человек характер своего сына.

Второй звонок оказался слегка неожиданным. Это была Мидзуно-сан из городской больницы.

- Ну как, здоров?

Я угадал, кто звонил, по первым же словам. И тут же меня охватило легкое беспокойство.

- Помнишь, ты спрашивал - по-моему, две недели назад - о той девочке? Ну, которая умерла в больнице в конце апреля?

- Да, конечно.

- Я после нашего с тобой разговора все не могла ее выбросить из головы и в конце концов проверила кое-что. Оказалось, ее звали Мисаки, не Масаки.

- Мисаки - это ее фамилия? Или -

- Нет, это было имя.

Значит, не как у Мей Мисаки. И что это значит?

- А как оно пишется?

- Первое кандзи из слова «будущее», второе из «цветения». Вместе получается «Мисаки».

- Мисаки...

- А фамилия Фудзиока.

Мисаки Фудзиока, да?..

Сам того не желая, я погрузился в размышления.

Почему Мисаки Фудзиока - «моя вторая половинка» для Мей Мисаки? Как прикажете это понимать?

- Почему ты хотел про нее узнать? - спросила Мидзуно-сан. - Ты обещал рассказать.

- О, ээ... насчет этого.

- Не обязательно рассказывать прямо сейчас. Но я буду ждать.

- Хорошо.

- Кстати, мальчик-жутик. Что ты в последнее время читаешь?

Так вот с легкостью она ушла от разговора об обещаниях. Пока я мычал «оо, аа», мой взгляд упал на лежащую рядом книгу.

- Эээ, второй том полного собрания Лавкрафта.

- Ого, - к ней вернулся ее нормальный тон. - Хороший вкус! Слушай, а разве у тебя сейчас не начинаются экзамены?

- Ну, надо же делать перерывы в учебе, - ответил я. Впрочем, если учесть, сколько времени я тратил на одно и на другое, правда была прямо противоположной: я немножко занимался в перерывах между чтением книги.

- Ты такой ответственный, мальчик-жутик, - Мидзуно-сан явно позабавили мои слова. - Хорошо бы мой братишка брал с тебя пример. Он вообще не читает, даже жутики. У него в голове только для баскетбола места хватает. Как правило, нам просто не о чем разговаривать, хоть он и мой брат.

- У вас есть младший брат?

- Двое. Мальчик-мячик твой ровесник, Сакакибара-кун.

- Уаа, а я и не знал.

- А второй брат во втором классе старшей школы. Но у него тоже мышцы вместо мозгов, он сдвинутый на спорте. Сомневаюсь, что он хоть раз в жизни читал что-нибудь, кроме манги. Проблема, скажи?..

- Похоже на то.

У меня было такое ощущение, что пятнадцатилетний подросток, на выходных в одиночестве читающий мифы о Ктулху в своей комнате, - проблема как минимум не меньшая, но... ладно, замнем для ясности.

По правде сказать - до меня внезапно дошло кое-что.

Вроде в моем классе есть парень по фамилии Мидзуно? Такой высокий, загорелый и довольно спортивного вида. Я с ним никогда не разговаривал; неужели это и есть младший из братьев Мидзуно-сан?

Городок-то маленький. Так что в подобном совпадении нет ничего удивительного.

- Это, Мидзуно-сан... а вы когда ходили в среднюю школу, то тоже в Северный Ёми? - задал я вопрос, который меня вдруг взволновал.

- Я училась в Южной средней, - ответила она. - Мой дом точно посередине между школами, и мы в зависимости от года поступаем то в Южную, то в Северную. Поэтому я и первый мой брат ходили в Южную среднюю, а младший учится в Северной.

...Понятно.

Тогда Мидзуно-сан вряд ли знает про Мисаки двадцатилетней давности.

У меня стало полегче на душе, и мы продолжили весело болтать о нашем общем хобби.

6

26 мая, вторник.

Второй день промежуточных экзаменов первого триместра.

Еще с ночи без перерыва лил дождь, угрожающе намекая на начало дождливого сезона. Мне казалось довольно необычным для современной школы, что в Северном Ёми не требовали обязательного ношения сменки (во всяком случае, сам я с таким раньше не сталкивался). Все ходили в уличной обуви в помещениях, кроме спортзала. Поэтому в дождливые дни, как сегодня, пол в классах и коридорах покрывали дорожки грязных следов.

Последний экзамен - японский язык - проводил на втором уроке Кубодера-сэнсэй.

Он раздал экзаменационные бланки, произнес: «Прощу начать», - и тут же в классе повисло молчание. Шорох механических карандашей по бумаге лишь изредка разбавляло сдавленное покашливание или тихий вздох. Школу я сменил, но атмосфера экзамена осталась ровно та же.

Примерно через полчаса кто-то из учеников встал из-за парты и вышел в коридор. Среагировав на звук и движение, я машинально повернул голову к окну. Мей на месте не было. Блин, она закончила раньше срока и опять слиняла?

После краткой внутренней борьбы я положил свой бланк на парту текстом вниз, встал и собрался было молча покинуть кабинет, но -

- Уже закончил, Сакакибара-кун? - остановил меня Кубодера-сэнсэй.

Я тихо ответил:

- Да. И поэтому хочу -

- Ты не думаешь, что стоило бы посвятить оставшееся время проверке ответов?

- Нет. Все в порядке.

Я четко слышал тихие голоса, раздавшиеся то тут, то там после этого моего ответа.

- Я уверен, что написал все правильно. Можно мне выйти?

Я кинул взгляд на дверь, которую Мей только что открыла и закрыла. Кубодера-сэнсэй, казалось, растерялся, но в конце концов опустил глаза и сказал:

- Да. Можешь выйти из класса, но не уходи домой. Просто подожди где-нибудь. После экзамена у нас внеплановый классный час.

Гул голосов распространился по всему классу. Я чувствовал, что все кидают на меня взгляды; довольно неприятное ощущение.

Они небось решили, что я зазнаюсь. Ну, даже если и так, я с этим ничего не мог поделать. И все же...

Невольно я дернул головой и подумал: почему?

Мы сделали ровно одно и то же; почему же на меня такая реакция, а Мей никто и слова не сказал? Разве не странно? Вот действительно же казалось, что что-то тут...

Едва выйдя из класса, я обнаружил Мей в коридоре у окна. Оно было открыто, и ветром внутрь задувало немного дождя. Мей молча смотрела наружу, не обращая на брызги ни малейшего внимания.

- Ты всегда быстро заканчиваешь, - сказал я.

- И? - ответила Мей, не оборачиваясь.

- Ты и вчера, и сегодня с каждого экзамена уходила раньше времени.

- Хочешь сказать, что напоследок ты решил составить мне компанию?

- Нет... просто я в японском хорошо секу.

- Хех. Значит, ты смог ответить на те вопросы?

- В смысле?

- Ну, когда нужно изложить что-то, уложившись в определенное количество слов, или ответить, какую цель преследовал автор.

- А. Да, наверно.

- А я их ненавижу. Просто не могу с ними. Уж лучше задачки по математике или естествознанию. Там всегда один четкий ответ.

Аа, ясно. Я начал понимать, что она имела в виду.

- То есть ты просто написала что попало и ушла?

- Ага.

- А это... ничего?

- Да, мне плевать.

- Да, но что насчет... - начал было я, однако решил оставить эту тему в покое.

Я подошел к окну, которое открыла Мей; оно было напротив лестницы, примыкающей к восточной стене кабинета, - так называемой «восточной лестницы». Мокрый ветер играл короткой прической Мей.

- Ее звали Мисаки Фудзиока, да? Девочку, которая умерла в больнице в тот день, - храбро сообщил я то, что узнал от Мидзуно-сан на выходных. Мей не отвела глаз от окна, но ее плечи чуть заметно вздрогнули - так мне показалось.

- Скажи, почему она?..

- Мисаки Фудзиока... - тихо произнесла Мей. - Мисаки... моя двоюродная сестра. Когда-то давно мы были ближе и связаны теснее.

- Теснее, чем?..

Я не понимал, что она имела в виду. Но... та девушка поэтому была ее «второй половинкой»?

- История, которую ты мне рассказала две недели назад, - я снова сменил тему. - Насчет класса три-три, который был двадцать шесть лет назад. Какое у нее продолжение? Та часть, где привидения?

- Ты уже спрашивал кого-нибудь? - задала встречный вопрос Мей и, пока я пытался найти что ответить, повернулась ко мне и продолжила: - И тебе никто не рассказал?

- Ээ, ну да.

- И что ты можешь с этим поделать?

Вот и все, что она сказала, прежде чем снова забраться в свою раковину и отвернуться к окну.

Даже если я сейчас попрошу ее дорассказать ту историю, вряд ли она снизойдет. Такое у меня было ощущение. Слова Рейко-сан, что «некоторые вещи лучше узнавать в подходящее время», повисли у меня в голове странной тяжестью.

- Эээ... послушай, - произнес я и, сделав глубокий вдох, как тогда, на кукольной выставке, пододвинулся еще ближе к Мей, стоящей возле окна. - Послушай, я уже давно хочу тебя спросить. Мне с самого первого дня непонятно.

Вроде бы ее плечи снова вздрогнули. Я продолжил:

- Почему они это делают? Весь класс и даже учителя. Как будто ты не -

Не дав мне закончить вопрос, Мей шепотом ответила:

- Потому что меня нет.

«Понял, Сакаки? Кончай обращать внимание на то, чего нет».

- Это не...

Я снова сделал глубокий вдох.

«Это паршиво».

- Но это не...

- Они меня не видят. Что если... меня видишь только ты один, Сакакибара-кун?

Мей медленно развернулась ко мне. Тень улыбки мелькнула в ее правом глазу - том, на котором не было повязки. Мне это показалось, или там была еще и тень одиночества?

- Нет... не может быть.

Если я сейчас зажмурюсь и открою глаза, скажем, через три секунды, она исчезнет, испарится? На миг мной овладели подобные мысли, и я поспешно отвел глаза, стал смотреть на законный мир.

- Не может быть...

И тут - я услышал, как кто-то несетя вверх по лестнице.

7

Шаги бухали отчаянно; сейчас, когда вся школа была погружена в экзамены, этот грохот казался совершенно неуместным. Интересно, что случилось? Раздумывая так, я повернулся и увидел бегущего - мужчину в темно-синем спортивном костюме.

Это был Миямото-сэнсэй, один из учителей физкультуры. Я от физры по-прежнему был освобожден, но уж учителя-то в лицо и по фамилии знал.

Миямото-сэнсэй подбежал к нам, раскрыл рот, будто собираясь сказать что-то, но так в итоге и не сказал, а бросился к передней двери класса 3-3 и рывком отодвинул ее.

- Кубодера-сэнсэй! Кубодера-сэнсэй, на минуточку...

Секунду спустя наружу высунулась голова проводящего экзамен учителя японского.

- В чем дело?

Грудь физрука тяжело поднималась и опускалась после бега по лестнице, он сперва смог выдать лишь «в общем...». Оттуда, где стояли мы с Мей, слышно было плохо.

- Нам только что сообщили...

...И больше я ничего не услышал. Он понизил голос.

Зато я четко видел реакцию Кубодеры-сэнсэя. Что бы там ни сообщил ему Миямото-сэнсэй, от этих слов его лицо застыло.

- Ясно, - наконец ответил он строгим голосом и скрылся в классе. Миямото-сэнсэй поднял глаза к потолку, по-прежнему тяжело дыша.

Потом -

Дверь, захлопнутая Кубодерой-сэнсэем, снова рывком отодвинулась, и оттуда пулей вылетела ученица.

Это была староста, Юкари Сакураги. Свою сумку она держала в правой руке, и, судя по лицу, была сама не своя.

Обменявшись несколькими короткими фразами с Миямото-сэнсэем, стоящим недалеко от двери, Сакураги выхватила свой зонт из стойки возле класса - бежевый зонт-автомат - и побежала на заплетающихся ногах...

Направлялась она поначалу к восточной лестнице. Но потом, уж не знаю почему, застыла на месте. Кажется, это произошло, как только ее взгляд упал на нас с Мей, стоящих рядом возле окна напротив лестничной площадки.

В следующий миг она развернулась и понеслась в противоположном направлении. Похоже, ее правая нога, которую она подвернула при неудачном падении, до сих пор не зажила полностью. Сакураги бежала неуклюже, явно оберегая ногу.

Промчавшись по коридору, идущему с востока на запад, она свернула на западную лестницу в противоположной стороне здания и скрылась из глаз.

- Интересно, что это было, - я снова повернулся к Мей. - Как ты?..

Мей моих слов будто не слышала. Она стояла как вкопанная, ее лицо посерело. Я шагнул к физруку в спортивном костюме и попытался узнать у него:

- Ээ, сэнсэй? Что с Сакураги-сан такое?

- Что? А... - Миямото-сэнсэй посмотрел на меня, и его лицо исказилось. - Ее семья попала в аварию. Нам только что сообщили, чтобы она немедленно отправилась в больницу.

Не уверен, сказал он все, что хотел, или нет, но тут - внезапно раздался какой-то громкий звук, а потом по коридору разнесся короткий вопль.

Что это было?

Меня охватила жуткая тревога.

Что только что произошло?

Я рванул по коридору, не успев даже подумать на эту тему. Я как будто гнался за Сакураги, только что пробежавшей этим же путем.

По западной лестнице я сбежал на второй этаж; там ее не было. Кинулся дальше, на первый... и тут же увидел.

Нелепая, кошмарная картина.

У основания мокрой бетонной лестницы, на площадке между первым и вторым этажами, стоял открытый зонт. Бежевый зонт-автомат. Тот самый, который Юкари Сакураги только что выхватила из стойки. И прямо на нем лицом вниз лежала сама Сакураги.

- Э, это...

Ее голова лежала на куполе зонта. Ноги - на нижних ступеньках пролета. Руки - нелепо раскинуты в стороны. Сумка - в углу лестничной площадки.

...Что случилось?

Что, блин, случилось?

С первого взгляда понять было трудно. Но довольно быстро у меня сложилась общая картина.

Узнав о несчастье в своей семье, Сакураги в панике вылетела из класса и понеслась вниз по лестнице. Где-то между вторым и первым этажами она поскользнулась. Зонт, который она держала в правой руке, вылетел и стоймя упал перед ней. От удара о пол он раскрылся. Металлический наконечник смотрел на Сакураги. И -

Полностью потеряв равновесие, она упала точно на него. Как будто пролетев по воздуху. Не в состоянии сделать ничего вообще – даже голову отвести, даже руки перед собой выставить.

Сакураги лежала абсолютно неподвижно. Тошнотворный красный цвет расплзался по бежевой ткани зонта. Это была кровь. Много крови...

- Сакураги-сан?.. – дрожащим голосом позвал я. Мои ноги тоже затряслись, когда я продолжил спускаться по лестнице.

Когда я добрался до площадки, и без того в ужасе, моим глазам предстала еще одна кошмарная подробность.

Наконечник зонта пробил шею Сакураги навывлет, войдя в нее до основания. Кровь потоком лилась из раны.

- Как...

Я отвернулся, не в силах больше смотреть.

- Как же так...

Вдруг раздался глухой стук – это тело Сакураги съехало с зонта. Стальная рукоять, до сих пор каким-то чудом – нет – какой-то чудовищной случайностью поддерживавшая ее вес, переломилась.

- Эй! – раздался сверху громкий голос. – Что там случилось? Все целы?

Это был Миямото-сэнсэй. Позади него стояли еще люди – учителя, вышедшие, должно быть, из ближайших классов.

- Плохо. «Скорую», быстро! – приказал Миямото-сэнсэй, сбегая вниз по лестнице. – И сбегай в медкабинет. ...Уаа, какой ужас. Как так могло – эй, ты сам в порядке?

Я кивнул. Собирался сказать «да», но из горла вырвался лишь стон. Острая боль пронзила грудь. Ах... эта дикая боль, это же...

- П-простите, – прижимая руки к груди, я прислонился к стене. – Я... не очень...

- Я все сделаю. А ты иди в туалет, – сказал Миямото-сэнсэй. Видимо, он подумал, что меня тошнит.

Я ковылял вверх по лестнице, когда увидел в коридоре второго этажа Мей. Она стояла за спинами учителей, пристально глядя на меня.

Лицо ее было серым, как у мертвеца. Правый глаз распахнулся настолько, что, казалось, вот-вот вылезет из орбиты. Приоткрытые губы, как у куклы в черном гробу в подвале «Пустых синих глаз в сумраке Ёми», словно хотели что-то сказать...

...Что?

Что, блин, ты?..

Считанные секунды спустя, когда я добрался до второго этажа, ее уже не было.

Авария, в которую угодила семья Сакураги, – это была автокатастрофа. Разбилась машина, где ехала ее мать Миеко. За рулем была тетя Сакураги, а мать сидела на пассажирском сиденье. Что произошло, было не совсем ясно, но, похоже, на двухполосной набережной реки Йомияма у машины отказали тормоза, и она врезалась в дерево у дороги.

Машина была разбита в хлам. Обеих женщин доставили в больницу в тяжелом состоянии. Особенно пострадала мать – ее травмы не давали поводов для оптимизма. Тогда-то из больницы и позвонили срочно в школу.

Миямото-сэнсэй передал сообщение Кубодере-сэнсэю, а тот сказал Сакураги быстро отправляться в больницу. Он решил перенести ее экзамен на другой раз.

Мать Сакураги пытались спасти, но безуспешно; она умерла в ту же ночь. Тетя с трудом, но выжила. Как я узнал позже, она больше недели провела в коме.

Саму Сакураги, которую постигло такое невероятное несчастье на западной лестнице корпуса С, отправили в больницу на «скорой», но она умерла от шока и потери крови еще в пути. Ей исполнилось пятнадцать всего два дня назад – это я тоже узнал позже.

Вот так Юкари Сакураги и ее мать Миеко стали «жертвами мая» в классе 3-3 Северной средней школы Йомиямы в 1998 году.

[1] Семпай и кохай – соответственно старший и младший (по возрасту, опыту, положению) в одной и той же организации (как правило, в школе или институте). Слово «кохай», в отличие от «семпая», используется довольно редко и почти никогда не используется при обращении.

<http://tl.rulate.ru/book/89941/2883784>